

А. А. Шевченко

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

shev@philosophy.nsc.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ И ЛИБЕРАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ *

Рассматриваются основные черты политического реализма как теоретической альтернативы современной либеральной политической философии. При этом отмечаются как сходства, так и различия этой концепции с классическими и современными представлениями о «реальной политике». Выделены основные точки расхождения политического реализма как философской позиции с популярными либеральными представлениями о сути политического, основанными на идеях мысленного эксперимента, гипотетического консенсуса и подчинении политики абстрактным представлениям о праве и морали. Делается вывод о том, что требование реализма в политике вовсе не освобождает политику от морали или права, а ставит новые проблемы, связанные с механизмом порождения этических и правовых представлений «от политики».

Ключевые слова: политическое, политический реализм, политический морализм, политический субъект, человеческая природа, конфликт и консенсус.

Среди философских споров особое место занимают споры о реальном. Обсуждается реальность физических объектов, психических сущностей, связей и отношений между ними, а также способы их постижения. Более или менее цельная позиция, включающая определенные представления о реальности и средствах ее познания, обычно занимает свое место в длинном ряду реалистских доктрин (реализм метафизический, научный, внутренний, концептуальный, радикальный, моральный и т. д.).

Тема данной статьи – политический реализм – довольно активно обсуждается в современной политической философии, однако сам термин пока еще не стал привычным и общепринятым. И в средствах массовой информации, и в общественном сознании политический реализм часто воспринимается как «реал-политик» в ее классической форме – как отказ от моральных, религиоз-

ных или каких-либо идеологических соображений при определении государственной политики. При этом приоритетны интересы государства, целью политики является завоевание и удержание власти, а средства могут включать насилие и манипуляцию.

Такое понимание политики обычно связывают с наследием Н. Макиавелли, хотя сам термин *Realpolitik* был введен только в XIX в. немецким историком Августом Людвигом фон Рохау в книге «Основоположения реальной политики в применении к государственному состоянию Германии», опубликованной в 1853 г. В подтверждение аморализма Н. Макиавелли часто приводится следующая цитата: «...государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности» [1990. С. 90]. Однако ради справедливости следует сказать, что тексты Н. Макиавелли не со-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-23-02001а(м)).

держат общей санкции на аморальные действия, а те или иные сомнительные (с моральной точки зрения) рекомендации всегда даны в контексте ситуации и, как правило, со ссылкой на политическую необходимость. Например: «Надо знать, что с врагом можно бороться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, силой. Первый способ присущ человеку, второй – зверю; но так как первого часто недостаточно, то приходится прибегать и ко второму» [Там же. С. 96]. Политик, таким образом, может попадать в такие ситуации, в которых он будет и вынужден, и обязан нарушать определенные моральные нормы.

Конечно, сам этот набор идей появился гораздо раньше. В явной форме представления о приоритете власти над правом, а политики над моралью зафиксированы уже в «Мелосском диалоге» Фукидида. Афинские послы говорят жителям Мелоса: «Не мы первые ввели такой порядок, а он существует искони, именно что более слабый сдерживается более сильным» [1999. С. 61]. При этом «более слабый обязан уступать сильному» [Там же]. Право сильного, по сути дела, отменяет судебное право, «ведь кто имеет возможность пустить в ход силу, тому вовсе нет нужды обращаться к суду» [Там же], «право имеет решающее значение только при равенстве сил на обеих сторонах; если же этого нет, то сильный делает то, что может, а слабый уступает» [Там же. С. 258].

При этом, комментируя «Мелосский диалог», Ф. Х. Кессиди отмечает важное различие в позициях Фукидида и Н. Макиавелли: «Вместе с тем известно, что Николо Макиавелли исходил из того, что для защиты “государственных интересов”, осуществления “реальной политики” и т. п. все позволено, в то время как Фукидид воздерживается от выражения своего отношения к словам, мыслям и делам своих персонажей в “Мелосском диалоге”, будь то афиняне или мелосцы» [2007. С. 123].

Среди современных представителей политического реализма можно назвать таких мыслителей, как Р. Нибур, Э. Карр, Г. Моргентау, К. Томпсон и ряд других, однако эти имена скорее важны для теории международных отношений и международного права. С кратким изложением взглядов этих и некоторых других представителей политического реализма можно ознакомиться в обзоре Д. И. Победаша [2010]. Мы же рассмот-

рим другой сюжет, внутрифилософскую полемику в современной политической философии, тенденцию к более «реалистическому» переосмыслению политики, а также причины этого. Знамя «политического реализма» внутри политической философии объединяет довольно разных исследователей, которые не согласны как с тезисами ведущих представителей политической философии либерализма (таких, например, как Дж. Ролз, Ю. Хабермас, Р. Дворкин и др.), так и с самой методологией исследования политики. Среди основных оппонентов можно назвать некоторых бывших коммунитаристов (например, Б. Уильямса). Как представляется, знаменитые споры либералов с коммунитаристами недостаточно точно фиксировали истинные и глубинные различия между представителями этих двух лагерей политической мысли.

С одной стороны, и либералы не отрицали того, что для них индивидуализм – это не онтологическая, а методологическая позиция, суть которой – приоритет интересов индивида над интересами государства в случае их конфликта. Такой приоритет налагает ограничения на конструирование политических институтов (реальное или гипотетическое). С другой стороны, так называемые коммунитаристы, в общем, так и не могли предложить никакой интересной конкретики помимо разговоров об укорененности, связанности и обремененности индивида общественными связями и отношениями. Новый язык политического реализма позволяет точнее сформулировать претензии к представителям либеральной политической философии, всем тем, кого не удовлетворяет, прежде всего, методология современной либеральной политической философии, в которой центральную роль играют такие понятия, как мысленный эксперимент и гипотетический консенсус. Среди основных претензий: выхолащивание самой сути политического, подчинение политики внешним моральным и легальным нормам, которые полагаются приоритетными и игнорируют внутренние законы и основоположения политики, под которыми понимаются борьба и конфликт.

Оппоненты современной либеральной философии ставят под сомнение как представления о реальности отношений между индивидом и государством (что неудивительно, если говорить о мысленных экспериментах), так и, что гораздо серьезнее, какую-

либо значимость и уместность использования получаемых результатов в качестве этических стандартов для оценки политических действий (особенно для оценки роли и функции политических институтов и поведения одних государств по отношению к другим). Проблема здесь в том, что в либеральной теории последних десятилетий (во всяком случае, после выхода в свет «Теории справедливости» Дж. Ролза) сфера политики и понимание политического представлены как нечто, внешне ограниченное рамками этического, а содержательно по преимуществу состоящее из правовых доктрин и механизмов. Моральные рамки ограничивают действия, неприемлемые с моральной точки зрения. Целью же философско-политического рассуждения является определение оптимальной природы и места общественных институтов, с особым акцентом на их правовых функциях и полномочиях. Главными инструментами такого понимания видятся средства достижения консенсуса, причем неважно – либо в реальном демократическом процессе, описанном Ю. Хабермасом, либо в версии так называемой «делиберативной демократии», либо в случае гипотетического согласия Дж. Ролза.

Внешними и самыми очевидными знаками такого приоритетного положения этики по сравнению с политикой могут служить моральные и правовые понятия, используемые в философско-политическом дискурсе. Например, центральная идея Дж. Ролза о справедливости как первой добродетели общественных институтов [1995. С. 19] уже может свидетельствовать о некоторой опасности подмены политической проблематики этической. Здесь важно отметить, что при любой трактовке этих моральных рамок и любой трактовке правового содержания сфера политического при таком понимании лишается самостоятельного значения, так как определяется «извне», посредством абстрактных моральных и правовых регулятивов.

Первая задача политического реализма, таким образом, вернуть дискурс к понятиям, в которых бы фиксировалась сущность именно политического, а не морального или легального, а также выразить основные отношения и основные характеристики политического субъекта в его сравнении с субъектом морали или права. Б. Уильямс именно так и определяет политический реализм – как ряд подходов, в которых основное вни-

мание уделяется политической мысли как таковой. При этом оценочные стандарты допустимости тех или иных действий в сфере политики берутся не посредством апелляции к внешним этическим стандартам, а обнаруживаются в самой сфере политики [Williams, 2005. Р. 77]. Он также высказывает и несколько тезисов о правильном, с его точки зрения, понимании политической философии: а) политическая философия не является ни прикладной этикой, ни разделом права. Она должна пользоваться собственным языком, в частности, такими центральными понятиями, как власть или легитимация; б) сама идея политического основывается на идее разногласия. При этом политические разногласия существенно отличаются от разногласий моральных; в) возможные политические разногласия включают разногласия в отношении политических ценностей. При обсуждении таких ценностей необходимо принимать во внимание их исторический характер; г) поскольку сущность политических отношений – это борьба и противостояние, очень важно то, как мы представляем себе, как мы конструируем нашего противника, оппонента [Ibid.]. Таким образом, основным проявлением «ухода из политического» можно считать выхолащивание собственно политического, переформулировку внутренней сути политики, попытку устранения из политики борьбы, конфликтов, антагонизмов.

Эту проблему фиксируют многие исследователи. Так, представительница феминизма Б. Хениг отмечает, что в текстах, написанных с самых разных позиций – республиканских, либеральных и коммунистических – есть общая предпосылка о том, что успех зависит от выхода из режима диссонанса, сопротивления, конфликта или борьбы. Политика ограничивается административными или регулятивными задачами достижения консенсуса, обеспечения соглашений или консолидацией сообществ или «идентичностей». Предполагается, что задача политической теории состоит в разрешении институциональных вопросов, в том, чтобы раз и навсегда установить правильную политику и тем самым покончить с ней, освободить субъектов от политического конфликта и нестабильности [Honig, 1993. Р. 2].

Таким образом, стремление к реальному или гипотетическому консенсусу представляет собой утопический взгляд на политику и политическое и дает неверное представле-

ние о политических субъектах. Важнейшая характеристика политического субъекта – способность к действию, но политическое действие является осмысленным лишь при условии, что мы мыслим этот мир как населенный самыми разными политическими субъектами (индивидуальными и коллективными), разделяющими разные взгляды на цели и смысл государства, его функции и способы реализации этих функций.

Проблематика политической философии очень разнообразна. Она включает вопросы о природе власти, способах ее легитимации, вопросы о целях и средствах, соотношении теории и практики, роли и месте в политике моральных и правовых ограничений. Однако то общее, что объединяет философские споры о сути политического и практические разговоры о «реальной политике» – это именно попытка переосмыслить взаимоотношения политики и морали.

Б. Уильямс определил противоборствующие позиции как «политический реализм» и «политический морализм». Политический морализм при этом – теории, в которых моральное либо предшествует политическому, либо считается приоритетным. К таким теориям он относит утилитаризм и общественно-договорные концепции, причем если в утилитаризме это обнаруживается непосредственно, то в общественно-договорных концепциях – через встраивание определенных предпосылок в гипотетическую ситуацию заключения общественного договора [Williams, 2005. Р. 1–3].

Б. Г. Капустин в главе «Значение освобождения политической философии от подчинения моральной философии» отмечает благотворность такой эмансипации как для политики, так и для морали: «Рассмотрение политической “материи” под углом зрения морали не позволяло увидеть в политике многое, возможно даже самое важное: определяющую для нее роль конфликта и властных отношений... Конфликт, таким образом, выглядел отклонением от нормы, а не нормой политики. Освобождение политической философии от подчинения моральной означает поэтому перемену “точки отсчета” и целевой установки: политическая философия начинает с конфликта, а не с консенсуса, и стремится она не к реставрации консенсуса, а к раскрытию освободительного, а потому *инновационного* потенциала конфликта [2004. С. 145]. В то же время мо-

раль получает содержательную основу, становится более понятной и убедительной: «С другой стороны, подчинение политической теории моральной философии приводила к тому, что мораль не могла “понять саму себя”. Ей было неведомо, откуда берется ее способность обязывать и каким образом она вообще может входить в дела людей и влиять на них» [Там же].

Конечно, здесь есть пространство для методологических споров. Так, Р. Нозик в книге «Анархия, государство и утопия» выделил несколько возможных способов объяснения политики: «1) полное объяснение в неополитических терминах; 2) рассмотрение ее как возникающей из неополитических отношений, но не сводимой к ним, как форму организации неополитических факторов, поддающуюся пониманию только в терминах новых политических принципов; 3) рассмотрение ее как автономной сферы» [2008. С. 24]. По его мнению, наиболее привлекательной теоретической альтернативой является первая. Такой вид объяснения – «самый «желательный» и «самый окончательный» – Р. Нозик называет фундаментальным. С этим, пожалуй, можно согласиться, если под «неполитическими терминами» понимать определенную практику социальной жизни, объединяющую людей и порождающую какие-то особые отношения, которые можно определить как политические. Сам Р. Нозик как раз и демонстрирует такое понимание, когда начинает рассмотрение с чисто гипотетической ситуации и описания базовых потребностей социальных групп, включая потребность в защите от других групп, и выводит возникновение минимального государства (и, соответственно, политических отношений) через борьбу защитных агентств за монополию. Однако другое дело, когда политическое не выводится из не-политического, а просто описывается в неополитических терминах. При таком подходе и происходит фактическая подмена политического и политических отношений отношениями моральными и правовыми.

По нашему мнению, при всей правомерности отдельных аргументов и, возможно, общего пафоса сторонников политического реализма, «очищение» политики от этики все же не представляется возможным. Каковы наиболее существенные различия между субъектом моральным и субъектом политическим? Одним из таких различий является

то, что для политического субъекта *способность к коллективному действию* является необходимым условием его конституирования, в отличие от субъекта морального. Именно способность индивида к совместным действиям с другими людьми, действиям, которые могут привести к изменению ситуации в обществе, делает его политическим субъектом и, соответственно, субъектом политической философии. Помимо способности к коллективному действию также важна принципиальная возможность перехода субъекта на позиции *коллективной рациональности*. Именно здесь и возникают самые интересные и сложные проблемы, такие как координация действий людей в ситуации конфликта и неопределенности, а также управление такой координацией, создание для нее необходимых условий.

Очевидно, что эти проблемы одновременно являются проблемами как политики, так и этики. Но здесь нужно признать, что и подходы к ним, и решения могут оказаться неожиданно разными. Причина в том, что политическими субъектами являются не только индивиды, способные и желающие стремиться к реализации некоторой «общей воли», но и институциональные субъекты, в первую очередь государства. У этих субъектов разные возможности и разная степень ответственности, и эти факторы не могут не сказаться на содержательных представлениях о морали в сфере политического действия.

Например, в ряде критических ситуаций часто возникает необходимость в выборе «меньшего зла», и здесь возникают специфические для политических обстоятельств проблемы средств и целей, «грязных рук», допустимости лжи. Если моральный субъект может уклониться от неприятного выбора, то политический субъект – нет. Так, государство обязано брать на себя ответственность в форс-мажорных ситуациях. Используемые средства при этом могут оказаться неприемлемыми с точки зрения индивидуального морального субъекта, обладающего меньшей степенью ответственности.

Неполное раскрытие информации и даже прямая ложь также могут быть оправданы в том случае, например, если политическими субъектами являются два государства в ситуации конфликта. При этом сама специфика политической субъектности предполагает, что у такого субъекта, как государство

кроме абстрактных моральных обязательств есть обязательства и ответственность заботиться о жизни и благополучии своих граждан. Ситуация сходна с этической дилеммой, описанной И. Кантом в эссе «О мнимом праве лгать из человеколюбия» [1980]. Безусловность морального императива становится здесь препятствием для необходимого действия. Обязательство не лгать входит в конфликт с другим моральным долгом – по отношению к гражданам, которые могут пострадать от абстрактно морального действия. В ситуации конфликта, войны, хаоса, политические обстоятельства нередко приводят к тому, что сами граждане требуют от государства принятия мер, которые были бы недопустимы в нормальных условиях. Здесь ключевая цель политики – координация действий людей – может оказаться недостижимой на основе демократического консенсуса и требовать принуждения.

Таким образом, аргументы сторонников политического реализма за возврат подлинно политического, не зависящего от внешних этических критериев и заранее заданных правовых целей, ведут не к избавлению политического от этического, а к изменению приоритетов. В этом случае не этические постулаты будут накладывать ограничения на политическое действие, а сущность политики, понимаемой как конфликт и борьба, будет порождать довольно специфическую политическую этику. При этом такая политическая этика, как показал опыт, скорее всего будет базироваться на довольно безрадостных представлениях о природе человека и политическом мироустройстве.

В любом случае, требование реализма в политике вовсе не освобождает политику от морали или права, а ставит новые проблемы, связанные как со спецификой политической субъектности, так и механизмом порождения этических представлений «от политики», которые вполне могут быть обременены весьма пессимистическими предпосылками о сущности человеческой природы, характере человеческих мотиваций и способности людей действовать коллективно и рационально. Возможно, такая картина этического и политического будет гораздо более реалистичной, однако за отказ от спекулятивно-нормативного этического рассуждения и политического конструирования тоже придется заплатить.

Список литературы

Кессиди Ф. Х. «Мелосский диалог» или политика с позиции силы // Философия и общество. 2007. № 2. С. 119–127.

Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 292–298.

Капустин Б. Г. Моральный выбор в политике. М.: КДУ: Изд-во МГУ, 2004.

Макиавелли Н. Государь. М.: Планета, 1990.

Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: Ирисэн, 2008.

Победаш Д. И. Политический реализм. Екатеринбург, 2010.

Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.

Фукидид. История. СПб.: Наука, 1999.

Honig B. *Political Theory and the Displacement of Politics*. Ithaca, L.: Cornell Univ. Press, 1993.

Williams B. *In the Beginning Was The Deed: Realism and Moralism in Political Argument*. Princeton: Princeton Univ. Press, 2005.

Материал поступил в редколлегию 30.06.2014

A. A. Shevchenko

POLITICAL REALISM AND LIBERAL POLITICAL PHILOSOPHY

*Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia*

shev@philosophy.nsc.ru

The paper examines the main features of political realism as a theoretical alternative to contemporary liberal political philosophy. It defines both similarities and differences of political realism with classical and modern views on *Realpolitik*. The main focus is on the theoretical disagreement of political realists with the main tenets of the liberal understanding of the political based on the ideas of thought experiment, hypothetical consensus and subordination of the political to abstract legal and moral norms. The author concludes that the demand for realism in politics doesn't emanate it from morality and law but raises new problems related to the mechanism of generating politically based moral and legal requirements.

Keywords: the political, political realism, political moralism, political subject, human nature, conflict and consensus.

References

Kessidi F. H. Meloskii dialog ili politika s pozitsii sily [The Melian Dialogue or Politics from a Position of Strength]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 2007, no. 2, p. 119–127. (In Russ.)

Kant I. O mnimom prave lgat' iz chelovekolyubiya [On a Supposed Right to Lie from Philanthropy]. *Kant I. Traktaty i Pis'ma* [Treatises and Letters]. Moscow, Nauka, 1980, p. 292–298. (In Russ.)

Kapustin B. G. *Moralny vybor v politike* [Moral Choice in Politics]. Moscow, KDU, MGU Publ., 2004. (In Russ.)

Machiavelli N. *Gosudar'* [The Prince]. Moscow, Planeta Publ., 1990. (In Russ.)

Nozick R. *Anarkhiya, gosudarstvo i utopiya* [Anarchy, State and Utopia]. Moscow, Irisen, 2008. (In Russ.)

Pobedash D. I. *Politicheskii realism* [Political Realism]. Ekaterinburg, 2010. (In Russ.)

Rawls J. *Teoriya spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Novosibirsk, 1995. (In Russ.)

Fukidid. *Istoriya* [History]. St.-Petersburg, Nauka, 1999. (In Russ.)

Honig B. *Political Theory and the Displacement of Politics*. Ithaca and London, Cornell University Press, 1993.

Williams B. *In the Beginning Was The Deed: Realism and Moralism in Political Argument*. Princeton, Princeton University Press, 2005.